

Орлов И.Б., д.и.н, профессор
кафедры политического поведения НИУ-ВШЭ

Станет ли флэш-моб новой формой государственности?¹

Предложенный автором публикации «Государственность как феноменология личности» подход можно в сжатом виде представить в виде следующих положений:

во-первых, обращение к развернутому историческому контексту;

во-вторых, опора на философию персонализма Н.А. Бердяева;

в-третьих, рассмотрение государства как «результата социального творчества личности», проявление ее духовных свойств в социальной среде.

Эти три методологические установки позволили Л.В. Макаровой выстроить собственную схему смены форм государственного правления, в основу которой положен акторный или персоналистический подход, противопоставляющий в «формально-логическом плане» государственность как свойство личности социальности, понимаемой ей как адаптивность, и конформности как «готовности следовать извне установленным законам и жить по извне усвоенным принципам». Подобное противопоставление приводит исследовательницу к заключению о власти мобильной (мгновенной, умной) толпы как новой форме проявления государственности личности в историческом контексте. Это не только дало возможность поставить эту форму в «один логический ряд с монархией и республикой», но и связать с ней «смерть государства как гаранта социального порядка» и окончательное размывание государственности как свойства личности в обществе постмодерна.

Хотя идея связи творческого потенциала личности и государственности не нова,² однако Л.В. Макарова «добраивает» ее попыткой «перекинуть мостик» от общей идеи государственности к исторически обусловленным формам правления. Правда, из представленного текста можно сделать вывод о синонимичности для автора категорий «государство» и «государственность». По крайней мере, исследовательница не разделяет формально эти понятия. Конечно, в научном обиходе, несмотря на

---

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. Станет ли флэш-моб новой формой государственности? // Научный эксперт. Ежемесячный электронный журнал. 2014. № 1 // Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования URL: http://problemanalysis.ru/expert/OrlovNE1_2014-2.pdf - 0,15 п.л.

² На эту связь, в частности, обращал внимание Л.А. Тихомиров в своей книге «Монархическая государственность» (1905 г.): «Все коллективности всегда таковы, какими их может создать личность, и если мы ослабляем ее силу и способность творчества, мы губим все коллективности, и все на вид стройнейшие и глубочайшие обдуманые формы отношений государственных будут фактически гнилы и ничтожны».

существенные различия, они иногда отождествляются. Но чаще всего государственность понимается шире, чем институт государства: как взаимоотношение государства (или верховной власти) и населения, совокупность психологических черт нации, атрибут цивилизации и т.п.³ Нам предлагается взглянуть на государственность как определенное духовное свойство отдельной личности, то есть перейти от макрокосма к микрокосму.

Нельзя не согласиться с Л.В. Макаровой относительно кризиса «привычной модели национального государства, основанной на представительной демократии». Более того, под влиянием глобализационных и информационных процессов очевидны попытки дискредитации идеи национального государства вообще. Однако вряд ли стоит сводить современные проекты «электронной или облачной демократии» к вариантам усовершенствования республиканской формы правления «на основе новых технологических возможностей». Все эти проекты открытого, виртуального, инновационного государства несут в себе идею трансформации государства вплоть до потери им своих сущностных черт.

С учетом опубликованной в мае 2011 г. на сайте Белого дома новой «Доктрины информационного вмешательства», в которой были сформулированы ключевые направления формирования мировой информационной среды с помощью специальных сетевых технологий, и «жасминовых», «финиковых» и прочих «цветочно-фруктовых» революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке трудно расценивать «флэш-моб» как форму самоорганизации населения или, тем паче, государственного правления. Не секрет, что выдвинутая Госдепом США идея создания параллельного («теневое») Интернет, не подконтрольного национальным правительствам, призвана обеспечить поддержку оппозиции в любой стране мира. Технологии «управляемого хаоса» (или «контролируемой нестабильности»), объектом которых становится смарт-моб, отнюдь не преследуют целей создания новых форм государственности.

Не очень понятно, что имела в виду исследовательница, противопоставляя (пусть и с оговорками) государственность (в ряде случаев синонимом выступает понятие «принципиальность») как атрибут личности и адаптивность как свойство социальных общностей. Думается, что подобное разделение весьма условно. Ведь адаптивность (или конформизм) может быть жизненным принципом того или иного человека.

---

³ Подробнее по этому вопросу см.: Лубский А.В. Государственность и нормативный тип личности в России // Гуманитарный ежегодник. М.; Ростов-н/Д., 2007.

Не убедительна попытка автора вывести из лингвистической общности слов «принц» и «принцип» общность смысловую. Если первое слово происходит от латинского *princes* (первый в значении главный), то второе – от *principium* (первоначало как основа). Вообще в западноевропейских языках термин «принц» обычно употребляется в обобщенном смысле – «принцепс», то есть государь или монарх.

Исторический опыт не подтверждает более мирный характер смены власти в рамках республиканской формы правления. Пример обратного – гражданская война в Советской России и Испании, установление диктаторских режимов, формально вписанных в рамки республиканской модели и т.п.

Довольно размыт и абстрактен вывод Л.В. Макаровой, что «в реальности трансформация государства будет происходить в сторону отказа от линейных представлений о развитии, усложнения, многослойности, в которой все формы проявления государственности как свойства личности найдут соответствующее место». О чем идет речь: о некоем синтезе монархии, республики и «умной толпы»?

Поднятая автором публикации исследовательская проблема требует не только развернутого обоснования, но и уточнения категориального аппарата. Даже с учетом авторского вывода об отсутствии в социальных науках «достаточно адекватного термина, отражающего активность личности в отношении творчества социальных общностей» и, прежде всего, государственных институтов.